

20 ЛЕК 1987

СТЫДНО И БОЛЬНО!..

Письмо в редакцию

«Уважаемая редакция! Пишу вам от глубокой обиды, нанесенной и мне лично, и, как я считаю, всему нашему театальному искусству.

Но прежде — немного о себе. Скоро мне исполнится шестьдесят лет. Из них 36 я работаю в области культуры. Начинать в 1945 году артистом балета, затем работал в Марийской филармонии, потом долгие годы — культурным организатором в здравницах страны. В настоящее время являюсь главным администратором Альметьевского татарского Драматического театра.

В начале октября вызывает меня директор театра и говорит, что надо ехать в Казань — «пробивать» гастролы нашего театра. Назвал адреса — ДК химиков, ДК им. Кирова, Дворец культуры и техники им. Ленина. Гастроли эти были юбилейными, посвящались 70-летию Октября. Привез меня директор в Казань, оставил с грудой афиш в гостинице и сказал: действуй! Я и начал действовать.

Директора дворцов культуры отнеслись к моему появлению без особой радости. Пришлось упрашивать их, доказывать, что гастроли — не наша личная инициатива, что о них знают в Министерстве культуры. Целыми днями просиживал я в приемных, в гостиницу возвращался поздно, совершенно измученный. С большим трудом, но мне все же удалось заключить договоры.

Однако это было только начало.

Директор театра дал мне также дополнительное указание зайти в Татарский академический театр и составить договор на два спектакля «Жизнь Сезляра», которые нам предстояло сыграть в рамках республиканского театрального фестиваля памяти К. Тинчурина. Спектакли должны были идти в старом здании камаловского театра. В бухгалтерии мне вручили счет за аренду сцены — 580 рублей и строго-настрого предупредили: «Не оплатите — не пустим!»

Получил я билеты и раздал их уполномоченным по организации зрителей камаловского театра. «Что ж, по-

старемся, будем продавать в нагрузку», — сказали они. Удивился я этому выражению «в нагрузку», но особого значения не придал. Заключил еще один договор на спектакль в новом здании, за что с нас еще взяли 700 рублей.

Днем я продолжал обивать пороги дворцов культуры, а вечером, когда заходил в театр, уполномоченные разводили руками: «Старемся, но не берут. Все хотят в новое здание. Нам и на свои-то спектакли не всегда удается в старое здание билеты продать!»

Оказалось, что «горю» не один я, но и Мензелинский театр драмы, народный театр Рыбной Слободы...

Мне начали возвращать билеты, и я сам вынужден был продавать их. Стоял возле старого здания театра, возле ЦУМа. Люди спрашивали: «Куда билеты, в новое или старое здание?» — и, получив ответ, расходились.

В отчаянии я обратился к директору камаловского театра Ш. З. Закирову с просьбой разрешить мне продавать билеты через театральную кассу театра на площади имени Куйбышева. «Идите и договаривайтесь с кассиром!» — сказал он.

Когда я изложил кассиру суть дела, она стала кричать:

— Не душ! Еще тараканов натаскаете!

Тут же закрыла будку и ушла.

Я обратился в Министерство культуры. Мне обещали помочь, сказали, чтобы на следующий день я вновь подошел к кассиру. Но и на завтра повторилась та же история, только кассир вела себя еще более вызывающе. Наконец, Закиров позвонил, доложил кассиру и долго упрашивал ее:

— Гузель, я очень прошу, дайте ему ключ! Не подводит меня перед министром!..

Со вздохом облегчения положив трубку, он сказал, чтобы я ехал домой к кассиру за ключом. Но терпение мое лопнуло. Возмущенный до глубины души, я отказался.

Что же это такое? — хочу я теперь спросить орга-

низаторов «юбилейных», фестивальных спектаклей. Кто приглашал театры в Казань? Кто должен был побеспокоиться об организационной стороне гастролей? О зрителях? Ведь можно было пригласить на эти спектакли ветеранов партии, войны и труда, передовиков производства. Это было бы данью уважения им, коллективу театра...

И, наконец, очень обидно за старое здание камаловского театра... На его сцене прошла жизнь многих талантливых актеров, здесь театру был вручен орден Ленина! В этих стенах прошли наша юность, молодость. 80 лет театр радовал зрителей своими спектаклями. Почему

ОТ РЕДАКЦИИ.

Получив это письмо, мы сочли необходимым поставить о нем в известность Министерство культуры ТАССР. Но там о письме уже знали. По мнению заведующего театральным отделом Р. М. Валеева, фестиваль памяти К. Тинчурина прошел на хорошем организационном и творческом уровне. Театры, приехавшие для участия в нем, были обеспечены рекламой и зрителями. А случившееся с автором письма — досадное недоразумение, которое не могло нарушить общий праздничный атмосферы фестиваля. Чтобы убедиться в этом, посоветовали нам, обратитесь к другим участникам фестиваля, узнайте их мнение. Так мы и сделали.

Вот что рассказал директор Мензелинского театра драмы А. С. Богатырев:

— У нас большие претензии к организаторам юбилейных спектаклей. Мы были приглашены в Казань на праздничные гастроли, но оказались «не во времени и не во дворе». Было такое ощущение, что казанцы вообще понятия не имеют о том, что происходит театральный фестиваль. Да и не их это вина. В городе почти не видно было афиш, забыли об этом событии и средства массовой информации. Мы дали два спектакля «Юсуф и Зулейха» в старом здании камаловского театра. Оно встретило нас и наших зрителей неприветливо. Я думаю, что зритель у нас был только благодаря блестящей игре Тинчурина.

Очень плохо было с гостиницей. Актерам пришлось жить в маленьких номерах по 5—6 человек!..

Отзыв директора Альметьевского театра Р. Н. Валиуллина: — Большие трудности у нас были с распространением билетов. Дели два спектакля. Зрителей — ползала, кругом грязь, мел. О какой праздничной обстановке могла идти

же люди так скоро предали все это забвению? Ведь одни и те же актеры играют и там, и тут. Мне кажется, такое отношение просто унижает их замечательное искусство.

Немного о том, как все же прошли наши спектакли. Сцена была в мелу, везде — пыль, мусор. Пришлось убирать все самим. Неуютно себя чувствовали и немногочисленные зрители. О праздничной обстановке не могло быть и речи. И так шли спектакли по пьесам К. Тинчурина, вошедшим в золотой фонд национального искусства! Стыдно и больно за все это.

С уважением к вам
М. ФАТЫХОВ.

речь? С гостиницей у нас было еще более или менее в порядке.

В остальном сложилось впечатление, что никто этот фестиваль не готовил. Почему не были подключены пресса, радио, телевидение? Почему не было подведения итогов? Наверное, все осталось только на бумаге...

На проезде — Рыбная Слобода, говорит заведующая отделом культуры исполкома райсовета М. Г. Александрова:

— Наш народный театр приезжал в Казань со спектаклем «Угасшие звезды». Самые большие трудности были с организацией зрителей. Казанцы не идут в старое здание академического театра! И неудивительно. Там очень неуютно, идет ремонт. Было очень обидно за актеров...

И, наконец, мнение директора Татарского театра драмы и комедии Р. Ш. Абульмамбетова:

— Идея подобных фестивалей очень хороша. Но похоже, что Министерство культуры на деле совершенно отстранилось от решения организационных вопросов. Мы оказались предоставленными сами себе. Обидно, что такое важное начинание было пушено на самотек.

У меня, например, есть идея организовать декаду городских театров Башкирии и Татарии. Но, честно говоря, я опасался, как бы наши гости не оказались в таком же положении, как театральные коллективы Альметьевска, Мензелинска, Рыбной Слободы, приехавшие на фестиваль памяти К. Тинчурина.

Что к этому можно добавить? Только еще раз повторить слова, которыми заканчивает свое письмо М. Фатыхов: стыдно и больно, что так проходили спектакли, посвященные 100-летию со дня рождения К. Тинчурина — одного из самых ярких фигур татарского театрального искусства.